

На следующее утро Ли Чаньгэ прибыл в кабинет императора, чтобы приступить к службе, и заметил, что у входа в залы сменилась охрана — теперь там стояли незнакомые люди.

Едва Канси успел занять свое место, как к нему на аудиенцию попросились князь Кан и Созту. За прошедшую ночь сановники успели составить и представить на рассмотрение список из тридцати тяжких преступлений Обоя.

— Тридцать пунктов? Неужели так много? — удивился Канси.

— Преступления Обоя столь велики, что их число далеко выходит за пределы тридцати, — пояснил князь Кан. — Мы лишь исполнили волю Вашего Величества и подошли к делу со снисхождением.

Канси кивнул и велел Сяо Гуйцзы подать документы с доказательствами вины Обоя. Бегло просмотрев их, император отложил бумаги в сторону и начал совещаться с князем Каном и Созту о том, как поступить с опальным сановником.

Желая избежать репутации жестокого правителя, Канси приказал снять Обоя с должности и пожизненно заточить в темницу, а все его имущество — конфисковать в казну. Что же касается его сообщников, то после подтверждения вины каждого ждало наказание согласно закону.

Вскоре князь Кан откланялся, чтобы заняться делами, связанными с пособниками Обоя — работы у него было невпроворот. А вот Созту император задержал, имея на его счет особые распоряжения.

— После того как Обой погубил Сукэсаху, все его имущество перешло в руки убийцы, верно? — спросил Канси.

— Часть земель и богатств Сукэсахи была изъята в пользу казны, но большая часть золота, серебра и драгоценностей была присвоена Обоем, — честно ответил Созту.

Канси, испытывая чувство вины перед Сукэсахой, решил восстановить справедливость.

— Раз так, отправляйся в дом Обоя, опиши имущество и верни все, что принадлежало Сукэсахе, его потомкам. А его старшему сыну позволяю унаследовать титул отца.

— Мудрое решение, Ваше Величество! Семья Сукэсахи будет бесконечно благодарна за столь великую милость, — подобострастно отозвался Созту.

Канси пропустил лесть мимо ушей и продолжил:

— Вдовствующая императрица любит читать буддийские сутры. До меня дошли слухи, что два

тома Сутры сорока двух глав, хранившиеся у князей Желтого и Белого знамен, попали в руки Обоя... Сяо Гуйцзы, отправляйся вместе с ним. Найди эти книги и заberi их.

Созту принялся размышлять, что стоит за этим приказом, украдкой поглядывая на стоявшего рядом юного евнуха. Немного поразмыслив, он быстро понял намерения императора. Сяо Гуйцзы — любимец государя, человек, который спас жизнь императору и помог схватить Обоя. Поиск книг — лишь предлог, а истинная цель — наградить Сяо Гуйцзы. Опись конфискованного имущества — дело прибыльное, и теперь, когда у Созту нет особых заслуг в этом деле, император приставил его к молодому евнуху, чтобы тот мог законно поучаствовать в деле. Похоже, Сяо Гуйцзы здесь главный, а он — лишь помощник, и в деталях лучше не ошибаться.

У дворцовых ворот их уже ждали слуги Созту с лошадьми. Опасаясь, что юноша не умеет ездить верхом и опозорится, Созту предложил Ли Чанъгэ сесть в седло первым, пообещав присмотреть за ним. Однако Ли Чанъгэ все эти месяцы не терял времени даром: он часто упражнялся в верховой езде и стрельбе из лука вместе с Канси. Из всех искусств благородного мужа именно верховая езда и чтение давались ему лучше всего. В конце концов, в будущем, скитаясь по свету, без коня будет непросто, да и в древности путешествия занимали недели, а то и месяцы.

Ли Чанъгэ ловко ухватился за седло, поставил ногу в стремя и одним грациозным движением вскочил на коня. Он уверенно натянул поводья и, слегка прищипорив животное, обернулся к застывшему от изумления Созту.

— Господин Со, господин Со?

Созту был поражен: даже невзрачный евнух из свиты императора обладает таким мастерством! Вспомнив свою молодость, когда он сам лихо скакал на коне, сводя с ума столичных красавиц, Созту вздохнул — время беспощадно. Услышав свое имя, он опомнился, на лице его промелькнуло удивление, которое тут же сменилось подобострастной улыбкой.

— Ох, матушки! Маленький евнух, ваша езда просто открыла мне глаза! Это же настоящее искусство, невероятно! — он принялся аплодировать, выражая свое восхищение.

Ли Чанъгэ понимал, что до мастерства потомственных воинов Восьми знамен ему еще далеко, но для человека, занимающегося всего несколько месяцев, он держался неплохо.

Проезжая по улицам, Ли Чанъгэ впервые воочию видел подлинный облик древней столицы. Город не был razoren иноземцами и выглядел процветающим. Повсюду возвышались изящные постройки, а вдоль улиц тянулись ряды торговых лавок. Несмотря на то, что многие прохожие выглядели худощавыми, их глаза светились жизнью, а на лицах играли искренние улыбки.

Чем ближе они подъезжали к восточной части города, тем оживленнее становилось движение. Одежда людей здесь была богаче, дороги — шире и чище, а вместо лавок появились солидные купеческие дома с изысканными вывесками. Повернув на запад, они оказались в квартале

знати. Здесь архитектура поражала своим величием: у красных лакированных ворот застыли грозные каменные львы, мимо проезжали роскошные кареты, а по улицам прогуливались разодетые в шелка господа в сопровождении многочисленных слуг. Изредка попадались даже иностранцы с золотыми волосами и светлыми глазами — судя по спокойной реакции горожан, это было здесь обычным делом.

Ли Чанъгэ восхищался многообразием этого древнего города, чувствуя, как в нем просыпается дух исследователя. Ему не терпелось узнать больше об истории и культуре этих мест, но сейчас у него было важное поручение. Впрочем, он твердо решил, что при первой же возможности обязательно выберется сюда снова, чтобы погулять в свое удовольствие.

Через полчаса они прибыли к резиденции Обоя. Дом был оцеплен стражей, а все обитатели — взяты под арест. Внутри Ли Чанъгэ глаза разбегались от обилия сокровищ. Созту следовал за ним по пятам, услужливо рассказывая историю каждой вещи и приказывая писцам не записывать те предметы, которые приглянулись юноше.

— Докладываю, господа! В спальне Обоя обнаружена тайная комната, мы не посмели войти туда без приказа, — доложил стражник.

Услышав о тайной комнате, Созту просиял и, схватив Ли Чанъгэ за руку, потащил его за собой:

— Там наверняка спрятаны главные сокровища! Скорее, идемте!

— А те две книги нашли? — не забыл спросить Ли Чанъгэ, ведь это было его главной задачей.

— Спальню мы осмотрели, книг там нет, — ответил чиновник. — Но нашли десятки бухгалтерских книг, продолжаем поиски.

В тайной комнате, устланной медвежьими и тигриными шкурами, на полках из сандалового дерева красовались редчайшие ценности.

— Господин Гуй, здесь все сокровища Обоя, выбирайте себе что угодно, не стесняйтесь, — заискивающе прошептал Созту, обнимая Ли Чанъгэ за плечи.

— Хорошо, тогда и вы возьмите себе что-нибудь, — ответил тот.

Ли Чанъгэ сразу приметил кинжал в ножнах, украшенных драгоценными камнями. В это время стражники внесли два нефритовых ларца с резьбой в виде девяти драконов. Ли Чанъгэ открыл один из них — внутри лежала сутра в обложке из белого шелка с надписью Сутра сорока двух глав.

— Господин Со, вот та самая сутра, которую просила вдовствующая императрица, — улыбнулся он.

Соэту открыл второй ларец, заглянул внутрь и тут же захлопнул его.

— Все вон! Ожидайте снаружи! — скомандовал он страже.

— Господин Гуй, если мы выполним это поручение, вдовствующая императрица будет очень довольна и щедро нас вознаградит, — подольстился Соэту. — Знаете, я с первой встречи почувствовал к вам особую симпатию. Как насчет того, чтобы стать побратимами? Пойдемте в молельню и принесем клятву!

Ли Чанъгэ поморщился: Соэту годился ему в деда, но предлагал стать братьями. Впрочем, он понимал, что Соэту просто хочет заручиться поддержкой доверенного лица императора. В нынешней ситуации пользы от такого союза было больше, чем вреда.

Они преклонили колени перед алтарем в молельне. Ли Чанъгэ назвался вымышленным именем Гуй Сяобао — умирать в один день с Соэту он не собирался. После клятвы они стали называть друг друга братьями.

— Брат, о нашем побратимстве никто не должен знать, — предупредил Соэту, опасаясь, что юноша не знает придворных порядков. — По правилам, внешним чиновникам не следует слишком сближаться с людьми из внутренних покоев. Будем держать это в тайне.

— Договорились, — улыбнулся Ли Чанъгэ. — На людях я буду называть вас господин Со, а наедине — брат Со.

— Отлично, просто отлично! — Соэту был в восторге от сообразительности юноши.

Он тут же пригласил Ли Чанъгэ к себе домой послушать оперу и выпить вина. Ли Чанъгэ, который в прошлой жизни не имел к искусству никакого отношения, решил, что ради приличия можно и согласиться.

Вернувшись в сокровищницу, Соэту указал на роскошный кинжал:

— Брат, этот клинок — настоящее сокровище, он достоин героя!

Ли Чанъгэ взял нож, который был на удивление тяжелым, и вынул его из ножен. Лезвие блестело, как зеркало, и светилось холодным светом. Он с легким усилием рубанул по стоявшему рядом железному пруту.

Дзынь!

Железный прут переломился пополам, словно был сделан из бумаги. Ли Чанъгэ с восторгом принялся рассматривать короткий клинок.

Созту, видя радость побратима, подвел его к вешалке, на которой висел золотистый жилет.

— Брат, эта вещь не боится ни меча, ни огня. Сними верхнюю одежду и примерь.

Жилет был мягким, как шелк, и легким, как перышко. Ли Чанъгэ знал, что это за вещь — одна из тех, что не раз спасала жизнь Вэй Сяобао. После недолгих притворств он все же надел жилет под одежду.

Теперь, когда две самые ценные вещи из дома Обоя оказались у него, а сутры были найдены, Ли Чанъгэ потерял интерес к остальному. Он помог Созту выбрать несколько подношений от иностранных послов и велел ему забрать их себе.

<http://bllate.org/book/19451/1907801>